

*ФЕСЕНКО Эмилия Яковлевна, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области. Автор 57 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий, 4 учебных пособий**

О РОМАНТИЧЕСКОМ ГЕРОЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Данная работа посвящена своеобразию русского литературного процесса начала XX века с его стремлением к трансформации классических художественных методов и обновлению литературных приемов, и в частности – со стремлением писателя М. Горького «изображать людей необыкновенных», в чем-то приближающихся к ницшеанскому типу героя. Внимание автора статьи обращено к одной из важнейших проблем поэтики литературного произведения – проблеме концепции героя. Материалом настоящего исследования выступают произведения М. Горького разных жанров: ранние романтические рассказы 1900-х годов, социально-философская пьеса «На дне» (1901–1902), повесть «Мать» (1906). В работе рассматриваются двойственность личности самого М. Горького («лицо» и «маска» писателя) и его отношение к проблеме двойничества как одной из форм воплощения человеческой «пестроты»; приведены различные, иногда совершенно противоположные интерпретации горьковских героев философами, критиками Русского зарубежья и российскими исследователями. Романтическая философия М. Горького осмысливается в новом типе героя – своеобразном ницшеанском «сверхчеловеке» с его трагическим сопряжением гордыни и отчаяния. В исследовании раскрываются философская проблема горьковского понимания «последней свободы» героя-босняка с его экзистенциальной тоской и жадой воли, решение «достоевского» вопроса «о праве на кровь по совести» в повести «Мать». Характеризуется новый тип героя, ставший предтечей героя литературы социалистического реализма в Советской России. Кроме того, представлены точки зрения различных исследователей на реализм произведений М. Горького, «смягченный романтизмом», на «мнимую свободу» его босяков и бесплодность их бунта, на этический максимализм и двойственность гуманизма самого писателя.

Ключевые слова: Максим Горький, концепция героя, романтическая философия, романтический герой, ницшеанский герой, проблема двойничества.

*Адрес: 164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36; e-mail: emily0509@yandex.ru

Для цитирования: Фесенко Э.Я. О романтическом герое Максима Горького: к истории вопроса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 103–111. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.103

Особенностью литературного процесса начала XX века являются сосуществование в нем различных художественных методов и стремление к обновлению литературных приемов. Для перелома веков было характерно возникновение «нового искусства» и новых художественных форм. Так и в начале XX века произошла трансформация классических методов романтизма и реализма: появились другие их формы – «неоромантизм» и «неореализм». Как отмечала Л. Спиридонова, в литературоведении стали привычными рассуждения о «фантастическом реализме» Н. Гоголя и Ф. Достоевского, «экспрессивном реализме» Л. Толстого, «социальном романтизме» М. Горького, «лирическом реализме» И. Бунина, «духовном реализме» И. Шмелева, «магическом реализме» Л. Андреева и М. Булгакова, что было связано с возникновением модернистских течений, расширивших палитру художественных средств в изображении жизни и человека, взаимодействием нескольких альтернативных художественных систем [1, с. 196–197]. Так, в ранних рассказах М. Горького романтический мир предстает «в оправе» мира реалистического. Писатель внес вклад в создание художественного метода, основой которого стал синтез реализма и романтизма, где переплелись фольклорные мотивы (сказка, легенда), реалистическое изображение «свинцовых мерзостей» жизни и проповедническое начало, мистика и трагические мотивы богоискательства. Герой его ранних произведений был правдоискателем, бунтарем, т. к. у Горького всегда было желание «изображать людей необыкновенных».

Стремление осмыслить проблему взаимоотношений героя с миром актуализировалось у Горького в создании образа Человека с большой буквы, что дало повод критикам рассуждать о влиянии на него Ф. Ницше. Как отмечала Л. Колобаева, «идея и образ “сверхчеловека” представляли для него перспективой будущего созидания личности нового, лучшего типа человека и человечества. <...> для него особо значимой была ставка на

сильную, крупную личность, которая находила бы “смысл” в самой себе – в своей свободе и самозаконности, в творческой самореализации. Вот тут-то Горький сходил с Ницше, с его идеей “сверхчеловека”» [2, с. 166]. Л. Колобаева считала, что «мотив силы, соединяясь с мотивом красоты, подается у раннего Горького в возвышенно-романтическом ореоле», что писатель был «не чужд эстетизму, то есть чисто эстетическому, внеэтическому (“по ту сторону добра и зла”) критерию в оценке своего героя...» [2, с. 171].

Объединяло Ницше и Горького и их романтическое мироощущение, в основе которого лежала мечта о совершенном человеке: Сокол, Буревестник, Данко были способны на подвиги, на смерть во имя идеи. Их антиподами были Уж, стонущие гагары, жестокий Ларра. «Безумству храбрых» они предпочитали «мудрость кротких». В. Камянов утверждал, что Горький «будоражил русскую публику постнищанскими афоризмами о свободном и сильном человеке, которому пора вышагнуть на арену под крики буревестников», и переходил «на пафосную декламацию о человеке»¹, а Томас Манн увидел в творчестве Горького «нечто, подобное мосту между Ницше и социализмом».

Горького волновала и экзистенциальная проблема свободы человека. Его Радда и Лойко Зобар ценили свою свободу выше жизни. По мнению Л. Спиридоновой, эти типы героев он романтизировал: «Питавшая творчество Горького романтическая мечта о новом герое, который, воспитав себя, построит новый мир и преодолет все преграды, не столь уж далека от нищанского прославления сверхчеловека. Общая черта обоих писателей – романтизм, выразившийся в отрицании окружающей мешанской пошлости, стремлении вырваться за пределы обыденщины и, разумеется, в переоценке ценностей. Отношение между “я” и “мы” осмысляется ими с точки зрения новой морали, отрицающей слабость и покорность, жалость и сострадание. Это дается не просто» [1, с. 201].

¹Камянов В. Игра на понижение // Новый мир. 1993. № 5. С. 240–241.

Вопрос о том, был Горький ницшеанцем или нет, по мнению К. Азадовского, отражал «идеологические пристрастия уходящего века. Ведь еще недавно и Горький, и Ницше были в нашем сознании фигурами почти символическими»: «активный гуманист» с одной стороны и «философ-аморалист» с другой². Сам Горький в одном из писем ставил Ницше в один ряд со «святыми и грешными разрушителями жизни – Христом, Байроном и всеми, кто вносил в жизнь “не мир, но меч”»³. В «Беседах о ремесле, 1930–1931» он признавался в том, что своих босяков «снабдил <...> кое-чем от философии Ницше», поэтому нельзя не увидеть в его бунтующих персонажах неоромантический ницшеанский пафос, связанный с вопросом о роли свободы в жизни человека⁴.

Трудный опыт детских и юношеских лет развил в Горьком этический максимализм. Никто из русских писателей так рано не сталкивался с жестокостью жизни, но в нем всегда жила вера в Человека, что породило особый дух его романтической философии. Гуманизм Горького – это бунт против всего, что искажало «идею Человека». Он, используя различные художественные приемы, создавал не только реалистические, но и аллегорические образы, утверждая мысль о необходимости сопряжения таких категорий, как «свобода» и «любовь» (к женщине, соплеменникам, Родине), доказывая это на историях жизни своих персонажей. Он был убежден, что свобода без любви и любовь без свободы могут стать причиной их духовной гибели.

Романтизм как художественный метод всегда предполагал присутствие в произведении личности, способной на противостояние миру, стремящейся к абсолютной свободе. Концепция

героя раннего Горького подчеркивала его романтическое двоемирие, проявляющееся в противоречии между любовью и гордостью, как у Радды и Лойко Зобара, между крайним индивидуализмом и способностью к самопожертвованию, как у Ларры и Данко.

Дм. Мирский замечал, что «во всех ранних вещах Горького реализм изрядно смягчен романтизмом, но именно реализм принес ему мировую славу»⁵. Позднее эту мысль поддержал М.М. Голубков, рассматривая проблему «двойственности» человека и писателя Горького, герои которого способны вести спор со своим создателем и побеждать в нем. По его мысли, в «Песне о Соколе» «авторские симпатии определены вполне однозначно: на стороне Сокола – сочувствие автора-романтика, утверждающего “безумную жажду свободы, света”. Уж – воплощение обывательщины, бескрылости, столь ненавидимой романтиком, поэтому он помещен туда, где “тепло и сыро и всячески унижен”, хотя именно Уж произносит мудрые слова: “Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни?” Не больше ли в этих рассуждениях Ужа истины и мудрости, чем в “безумстве храбрых”, песню которому распевает автор романтических рассказов?» [3, с. 20].

Решая проблему своеобразия романтического героя М. Горького, необходимо рассмотреть и тип босяка. Ник. Михайловский считал, что, когда Горький обратился к этому типу героя, его одолевала «некоторая не совсем для него самая ясная идея», связавшая всех его героев, которые «жадны жить» и ищут «возбуждения всей души»⁶, поэтому он ставил

²Азадовский К. М. Горький в «Архиве Ницше» // Лит. газ. 1996. 10 янв. С. 6.

³Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 24. С. 342.

⁴С.В. Лещев, рассматривая основные метафоры философии Ницше – «сверхчеловек», «воля к власти», «вечное возвращение», утверждал, что «Ницше отчасти персонифицирует в своем “сверхчеловеке” “волю к власти” как “слепое иррациональное начало”», т. к. «сверхчеловек пребывает в состоянии... инстинкта “воли к власти”», «влекомого великими целями разума», что «ницшеанская позиция лишена смирения» [4, с. 225–226].

⁵Мирский Дм. Максим Горький // Литература. 1993. № 1(6). С. 7.

⁶Михайловский Ник. О Максиме Горьком и его героях // Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 378.

в один ряд романтических героев – «отвлеченных, очищенных», но тем не менее являющихся «символами босячества», и «реальных босяков». Горький был убежден, что все они «столь же вольнолюбивы и жадны жить, как и заправские босяки <...> но совершенно чужды другой стороны реальной босяцкой жизни – миру тюрем, кабаков и домов терпимости»⁷. Н. Минский тоже утверждал, что два основных мотива горьковских произведений – это «тоска жизни и жажда воли – именно стихийной воли, а не разумной свободы»⁸.

Д.С. Мережковский в статье «Горький и Достоевский», размышляя о горьковском понимании «последней свободы», подчеркивал, что «Горький любит свободу и хочет ее», «но все имеют право усомниться – да он и сам не будет утверждать, что обладает непогрешимым мериллом свободы»⁹. Исследователь считал, что «русское понимание *последней свободы* почти всегда скрывает за собою стремление от деяния к самозерцанию», и задавал вопрос: «В самом деле, что такое “босяки”, как не люди, желающие “освободиться от всех обязанностей человека и гражданина”? Что такое “босячество”, как не “стремление от культуры к дикости и варварству”?.. <...> Хорошо, что он (Горький) понял, что “босячество” <...> – не новая идея общественная, а отсутствие всяких идей и всякой ответственности... <...> “Довольно анархизма”, – решает Горький. Значит ли это: довольно босячества? <...>

Мнимая “свобода” босяков – не свобода, а *своеволие* <...> А своеволие – начало всякого рабства. Свободен только тот, кто *не сам себе Бог*, кто сознает, что есть над ним нечто Высшее, его от него самого освобождающее.

Тут уже начинается не мнимая, не “босяцкая”, а истинная последняя свобода, предел свободы личной и общественной, недостижимой, но вечно достигаемой»¹⁰. Д.С. Мережковский считал, что «босяка своего взял Горький прямо из жизни», что «не только психология, но и метафизика, отчасти даже мистика босячества – в народе». Философ сравнивал горьковского босяка с «подпольным человеком» Достоевского, т. к. в основе их бунта лежало отрицание мирового порядка. Он был убежден, что «кроме босячества внешнего, социально-экономического, есть босячество внутреннее, психологическое – последний предел нигилизма <...> нагота и нищета духовная»¹¹.

Горький вел постоянный спор с Ф. Достоевским, для которого вопрос о человеке, человечестве, по мысли Д.С. Мережковского, всегда был связан с вопросом о Богочеловеке, Богочеловечестве: «Горький эту связь разрывает, и самый вопрос падает, становится бессмысленным»¹². И потому такие споры вызывал горьковский Лука, который пытался примирить «человеческое» и «божественное». В произведениях Горького персонажи часто оказывались на «дне жизни», когда им было «некуда больше идти» (Ф. Достоевский). И все-таки писатель утверждал: «Человек может все, лишь бы захотел». 23 ноября 1899 года Горький писал художнику Илье Репину: «Я не знаю ничего лучше, сложнее, интереснее человека. Он – все. Он создал даже Бога. Искусство же есть только одно из высоких проявлений его творческого духа, и поэтому оно лишь часть человека. Я уверен, что человек способен лишь бесконечно совершенствоваться, и вся его деятельность – вместе с ним тоже будет развиваться – вместе с ним из века в век. Верю в бесконечность

⁷ Михайловский Ник. О Максиме Горьком и его героях. С. 362.

⁸ Минский Н. Философия тоски и жажда воли // Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 314.

⁹ Мережковский Д.С. Горький и Достоевский // Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М.: Кн. палата, 1991. С. 281.

¹⁰ Там же. С. 282.

¹¹ Мережковский Д.С. Чехов и Горький // Максим Горький: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 654–655.

¹² Мережковский Д.С. Горький и Достоевский. С. 285.

жизни, а жизнь понимаю как движение к совершенствованию духа»¹³.

Благодаря богатому опыту жизни «в людях» Горький создавал неприглядные картины российской действительности. Героями многих его рассказов становились бродяги, обитатели ночлежных домов, прототипами которых часто являлись реальные люди. Босяки Горького, обладая чувством собственного достоинства, желали быть свободными, но их протест не был позитивным. Они ничего не могли изменить в жизни общества, но часто разрушали свою собственную, как герой рассказа «Коновалов», мучившийся от того, что люди не понимали, что «нужен для жизни порядок поступков», «нужно на земле устроить порядок и в ясность людей привести». Он погиб сам и погубил любимую женщину, душу которой хотел «из мрака заблуждений извлечь». Горький понимал, что зло в жизни – не только от ее социальной неустроенности: оно – внутри человека, о чем рассуждал его Коновалов: «Каждый человек сам себе хозяин, и никто в том не повинен, ежели я подлец!.. Не нашел я точки моей! Ищу, тоскую – не нахожу!» И появились в произведениях Горького босяки – тоскующие, бунтующие, не находящие себе места в жизни. Как отмечал Вяч. Вс. Иванов, «со своим молодым босяцким ниществом ранний Горький принадлежал началу века»¹⁴.

П. Басинский причислял ряд горьковских рассказов, в т. ч. «Песнь о Соколе», «Челкаш», «Коновалов», «Мальва», к таким, где «является мораль иного сорта, по которой человек оценивается не по его поступкам или мотивам их, а по его внутренней ценности, красоте, силе, благородству...» [5, с. 513]. К этому типу героев В.А. Сарычев относил и Макара Чудру, в образе которого Горький создал людей «особо-

го морального чекана» и в котором живет воссозданное Горьким племя гордых красавцев по особым самодостаточным законам, в основу которых <...> положено “презрение” ко всему тому, что принято называть миром культуры. Цель жизни, по Макару Чудре, – сама жизнь, ее стихийная мощь и сила. А еще – свобода вне всяких моральных и религиозных ограничений». При этом Горький «хорошо понимал (для русской литературы это черта корневая), что свобода по своей природе глубоко двойственна, что она может обернуться своеволием личности, подтолкнуть человека к саморазрушению, начать или ускорить процесс его нравственного распада»¹⁵.

Горький отдал щедрую дань романтизации типа босняка-бунтаря и, прощаясь с ним в Сатине, обнаружил в тотальном бунте человека его бесплодность (от сложности жизни в «отрицании» не спрячешься). В одном из писем он писал: «Вообще русский босяк – явление более страшное, чем мне удалось сказать. Страшен человек этот прежде всего <...> невозмутимым отчаянием своим, тем, что сам себя отрицает и извергает из жизни»¹⁶.

В. Воровский замечал, что «жизнь в ее стихийном проявлении бесконечно богаче, чем историческая, общественная форма организации ее». Отсюда – и разные типы людей: «первый тип – глубоко *общественный*, который опирается на сознательную творческую деятельность»; «второй тип – резко *индивидуалистический*, больно чувствующий свою отверженность от общества и за это презирающий и ненавидящий его... Этот тип антиобщественный, анархический по своему психическому укладу...» [6, с. 67]. Таким был Орлов со своей «босяцкой» философией: «...хочется мне отличиться на чем-нибудь... Раздробить бы всю землю в пыль или собрать шайку товарищей...

¹³Горький М. Указ. соч. М., 1954. Т. 28. С. 101.

¹⁴Иванов Вяч. Вс. Загадка последних дней Горького // Звезда. 1993. № 1. С. 147.

¹⁵Сарычев В.А. «Люди и человеки»: идея пути в творческом сознании Максима Горького 1890-х – начала 1900-х годов // Лит. в shk. 2008. № 7. С. 8.

¹⁶Мережковский Д.С. Горький и Достоевский. С. 283.

Или... стать выше всех людей и плюнуть на них с высоты... <...> И потом – вниз тормашками с высоты... и вдребезги» [6, с. 67].

Романтический герой М. Горького (особенно тип босяка) рождал разные точки зрения. Например, Н.К. Михайловский подчеркивал: «Лойко Зобар, Радла, Сокол, Данко, Ларра – вот вся портретная галерея идеальных, очищенных от грязи босяков г. Горького»¹⁷. А. Йенсен в журнале «Вестник Европы» утверждал, что Горький впустил «особый мир героев силы и смелости, вернее, наглости, натур решительных и цельных, не знающих противоречий теории и практики жизни. И сам по себе М. Горький представляет эффектную фигуру, не стыдясь, а скорее гордясь своим прошлым... Еще вчера сам отверженный от общества, он ввел с собой целую армию таких же отверженных <...> и не только не выразил при этом чувства брезгливости или отвращения, но с увлекательной художественностью, даже с упоением, начал рассказывать» (цит. по: [7, с. 286]). В. Воровский же отмечал, что Горький, знавший многих своих персонажей в жизни, «подметил печальный для нашего общества факт, что за грубой оболочкой «волчьей морали»... в них кроются нередко такие жемчужины нравственных качеств, к которым тщательно апеллируют современные писатели и мыслители», испытывая «вечную неудовлетворенность» от окружающей их серости, «сосущую тоску по необыденному», по «безумству храбрых». По его мнению, М. Горький стал «певцом тех нравственных качеств, которых нет в нашем обществе, но которые неизбежны, чтобы подняться до высшего уровня» [6, с. 74–75].

Одна из главнейших проблем горьковского творчества – философская проблема свободы человека. Вначале писатель трактовал возможность полной свободы личности романтически,

«позволяя» своим героям – Соколу, Буревестнику, Данко и даже Сатину – петь гимны безоговорочной свободе Человека, хотя совсем скоро зазвучало его сомнение в праве человека освобождать себя от соблюдения законов общества, что подчеркивает противоречивость его взглядов¹⁸.

С Ларры как с героя-индивидуалиста писатель снял романтический ореол, т. к. герой был отвержен людьми, а Данко был «награжден» им «великой любовью к людям». Такой любви к людям нет в босяке Челкаше, который на первый взгляд был романтичнее крестьянина Гаврилы, но в его портрете и манере поведения подчеркнуты черты хищника. У Челкаша и Гаврилы было разное понимание свободы: для Гаврилы она связана с желанием стать хозяином на своей земле, а для Челкаша, обуянного гордыней, – с разрывом связей и с землей, и с людьми. По мнению Ю. Халфина, в этом рассказе предстало «целое свангелие антихристового, вывернутого наизнанку мира», когда вор и бездельник предстает в романтическом ореоле»¹⁹.

Исследователь был убежден, что долгие годы творчество Горького изучалось внеисторически, вписывалось в «большой» контекст – «революция», «пролетарский период», т. к. писатель «любил лишь свою мечту»²⁰, уверенный в необходимости активной позиции человека, отрицающий жизненную философию Матвея Кожемякина, Клима Самгина, молодых Артамоновых, не принимающий позицию «общественного неслужения» (М. Голубков), которая характерна для героев романов В. Набокова и Б. Пастернака. Справедливо замечание Л. Колобаевой, что «эстетика Ницше созвучна Горькому своей установкой на антисозерцательность, действенность слова, а также своим героическим пафосом и в чем-то существенном – самой трактовкой **подвига**» [2, с. 166].

¹⁷Михайловский Н. О Максиме Горьком и его героях. С. 367.

¹⁸О двойственности М. Горького как художника и как человека говорят записи в дневниках М. Пришвина, К. Чуковского, Е. Булгаковой, в Московском дневнике Р. Роллана, статьи А.К. Воронского, В. Ходасевича и др.

¹⁹Халфин Ю. Гордые человеки: Прощание с кумирами отшумевшей эпохи // Литература. 2003. № 6. С. 8.

²⁰Там же. С. 6.

В.А. Ханов был убежден, что одним из важнейших вопросов для писателя был вопрос «Что есть человек?» и утверждал, что «на раннем этапе творчества Горького интересовал не столько характер как проявление индивидуального в человеке, сколько некое универсальное понятие человеческой природы», что «социальная же детерминированность поведения и отношения людей для него не является в это время определяющей и в целом мало значит. Думается, что и босяки, и “выламывающиеся” из своего класса персонажи привлекают в этот период внимание Горького именно в силу своей деклассированности. Писатель сумел увидеть в босяке человека и возбудил любовь читателей к людям “дна”» [8, с. 23]. Он шел вслед за Л.Н. Толстым. «Мы все знаем, – писал последний в своем дневнике о Горьком, – что босяки – люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы все прощаем за то, что он расширил нашу любовь»²¹.

Со временем основной идеей творчества Горького стала идея сопротивления человека среде. Писатель не скрывал жестокости нравов, царящих в обществе, безрадостную жизнь «бывших людей» на «дне» жизни, их несправедливость, а позднее – и тяжелые условия жизни рабочих. При этом нельзя забывать о противоречиях миропонимания Горького, в котором А.В. Луначарский отмечал два начала, приносившие писателю душевные страдания: с одной стороны, он не мог не показывать жестокие стороны жизни, а с другой – пугаясь этой правды, постоянно обращался к романтической мечте о справедливости [9, с. 145]. Потому, наверное, в героях горьковской повести «Мать» – Павле Власове и его товарищах – есть та же безоглядность в поступках и жестокость к слабым, к себе самим, как у романтических героев Горького. Рыбин заявлял: «Пусть умрут тысячи, чтоб воскресли тьмы народа на всей земле!» Эти герои были

не просто одержимы «безумством храбрых», а являлись революционерами, готовыми «штурмовать небо», т. е. «перевернуть» весь мир, о чем говорил Н. Весовщиков: «Нам надо всю жизнь перевернуть, как сорное поле, без пощады!»

Двойственность гуманизма Горького проявилась и в этой повести, что дало критикам возможность рассматривать ее как «Евангелие от Максима» (Г. Митин), «Евангелие от пролетариата» (Л. Спиридонова), «Между Марксом и Богородицею» (И. Сухих): образ Ниловны тяготел к образу Богородицы, а образы Павла Власова и его товарищей по борьбе – к образам Христа и его апостолов. Начинаясь с реалистической картины беспросветной жизни фабричных рабочих, она постепенно переходила в романтическую плоскость: рабочий парень в эпизоде Первомайской демонстрации превращался в пролетарского Данко, а его фанатичные друзья готовы были на алтарь идеи положить не только себя (как Данко и Сокол), но и своих родных – мать, отца, сына. Считающийся романтиком, как и шолоховский Макар Нагульнов, готовый для революции «в распыл» пустить «дедов, детишков, баб», Андрей Находка уверял: «За товарищей, за дело – я все могу! И убью. Хоть сына...» Горький в очередной раз «влюблялся» в своих героев, увлеченный идеей «коллективного разума» партии большевиков, и впадал в грех романтической сентиментальности, поэтому И. Сухих замечал, что в этой повести «авторское умиление и восторг съедают психологию и историю, делают многих персонажей одномерными»²².

Советское литературоведение в героях повести «Мать» видело типы «новых людей», появившихся в русской классике XIX века (Базаров И.С. Тургенева, Рахметов Н.Г. Чернышевского), а для поднятия статуса этого произведения «перевело» его в жанр романа. М. Горький предложил в нем концепцию личности, которая стала главной в сложившемся литературном направлении «социалистический реализм»,

²¹Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1985. Т. 22. С. 136.

²²Сухих И. Обреченная (?) книга // Нева. 1993. № 3. С. 233.

героем которого стал человек активный, ни в чем не сомневающийся, умеющий вести за собой людей и убежденный, что можно «переделать» и мир, и человека.

Проблема положительного героя всегда волновала русских писателей. Она была «демиургической», т. к. одни были убеждены, что этот герой должен занимать активную позицию в жизни, не сдаваясь ни перед какими трудностями, а другие доказывали, что иногда обстоятельства оказывались сильнее человека. XX век, который А. Блок называл «железным», а О. Мандельштам – «веком-волкодавом», был веком трагическим, т. к. в нем человек оказался в водовороте

исторических событий и не всегда был в силах им противостоять, что не соответствовало схеме положительного героя, которую создал Максим Горький в повести «Мать», заложив на долгие годы координаты типа героя, отношение к которому изменилось только в конце XX века. Но такие романтические герои раннего Горького, как Данко, Сокол, Буревестник, по-прежнему привлекают читателей чистотой своих помыслов, желанием принести пользу людям и верой писателя в человека, что заставляет о многом задуматься так же, как и фраза, «доверенная» писателем Сатину: «Существует только человек, все же остальное – дело его рук и его мозга!»

Список литературы

1. Спиридонова Л.М. М. Горький: Новый взгляд. СПб.: ИМЛИ РАН, 2004. 264 с.
2. Колобаева Л. Горький и Ницше // Вопр. литературы. 1990. № 10. С. 162–173.
3. Голубков М.М. Максим Горький. М.: Изд-во МГУ, 2000. 94 с.
4. Лещев С.В. Метафизика и метафорика Ницше в учебно-методическом представлении // Труды научной сессии НИЯУ МИФИ-2010. М.: НИЯУ МИФИ, 2010. С. 225–228.
5. Басинский П.В. Максим Горький // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): в 2 кн. Кн. 1. ИМЛИ РАН. М.: Наследие, 2000. С. 505–539.
6. Ворковский В. О Горьком // Статьи о русской литературе. М.: Худ. лит., 1986.
7. Марченко Т.В. Почему Максиму Горькому не дали Нобелевскую премию: (по материалам архива Шведской академии) // Изв. Акад. наук. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, № 2. Март-апр. С. 3–16.
8. Ханов В.А. Рассказ М. Горького «Старуха Изергиль»: культурологические аспекты // Рус. словесность. 2003. № 4. С. 23–31.
9. Луначарский А.В. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. лит., 1964. Т. 2. 697 с.

References

1. Spiridonova L.M. *M. Gor'kiy: Novyy vzglyad* [Maxim Gorky: A New View]. St. Petersburg, 2004. 264 p.
2. Kolobaeva L. *Gor'kiy i Nitsshe* [Gorky and Nietzsche]. *Voprosy literatury*, 1990, no. 10, pp. 162–173.
3. Golubkov M.M. *Maksim Gor'kiy* [Maxim Gorky]. Moscow, 2000. 94 p.
4. Leshchev S.V. *Metafizika i metaforika Nitsshe v uchebno-metodicheskoy predstavlenii* [Nietzsche's Metaphysics and Metaphorics from the Educational and Methodological Point of View]. *Trudy nauchnoy sessii NIYaU MIFI-2010* [Proc. Sci. Sess. Nat. Res. Nucl. Univ. MEPHI]. Moscow, 2010, pp. 225–228.
5. Basinskiy P.V. *Maksim Gor'kiy* [Maxim Gorky]. *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov)* [Russian Literature at the Turn of the Century (1890s – Early 1920s)]. Book 1. Moscow, 2000, pp. 505–539.
6. Vorovskiy V. *O Gor'kom* [About Gorky]. *Stat'i o russkoy literature* [Articles on Russian Literature]. Moscow, 1986.
7. Marchenko T.V. *Pochemu Maksimu Gor'komu ne dali Nobelevskuyu premiyu: (po materialam arkhiva Shvedskoy akademii)* [Why Maxim Gorky Was Never Awarded a Nobel Prize: (Based on the Materials of the Swedish Academy)]. *Izvestiya Akademicheskikh nauk. Ser. literatury i yazyka*, 2001, vol. 60, no. 2, March-April, pp. 3–16.
8. Khanov V.A. *Rasskaz M. Gor'kogo "Starukha Izergil"*: kul'turologicheskie aspekty [Maxim Gorky's Short Story "Old Izergil": Cultural Aspects]. *Russkaya slovesnost'*, 2003, no. 4, pp. 23–31.
9. Lunacharskiy A.V. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 1964. Vol. 2. 697 p.

Emiliya Ya. Fesenko

Severodvinsk Branch (Arkhangelsk Region) of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Karla Marksa 36, Severodvinsk, 164500, Arkhangel'skaya obl., Russian Federation;
e-mail: emily0509@yandex.ru

MAXIM GORKY'S ROMANTIC HERO: ON THE HISTORY OF THE QUESTION

This paper is devoted to the unique Russian literary process that took place in the early 20th century, with its urge to transform classical artistic methods and upgrade literary techniques, and, in particular, with Maxim Gorky's aspiration to "depict extraordinary people" that are in some ways similar to the Nietzschean hero. The article turns to one of the most important problems of poetics of a literary work, i.e. the concept of a hero, and analyses Maxim Gorky's writings of different genres: early romantic stories of the 1900s, the socio-philosophical play *The Lower Depths* (1901–1902), and the story *Mother* (1906). The paper studies the dual nature of Maxim Gorky's personality (his "face" and "mask") and his attitude to the problem of duality representing human "variegation". In addition, the article provides various, at times contrary, interpretations of Gorky's heroes by philosophers, Russian émigré critics and Russian researchers. Maxim Gorky's romantic philosophy is introduced in a new type of hero, a kind of Nietzschean Superman with his tragic combination of pride and despair. The study reveals the philosophical problem of Gorky's idea of "ultimate freedom" of a tramp hero with his existential longing and craving for freedom, as well as the solution to the "Dostoevsky question" about the "license to shed blood according to one's conscience" in *Mother*. Further, a new type of hero is described, who was the forerunner of the hero of socialist realist literature in Soviet Russia. In addition, the paper presents the views of various researchers on the realism of Maxim Gorky's works, "softened by romanticism", on the "false freedom" of his tramps and the futility of their rebellion, as well as on the ethical maximalism and duality of Gorky's humanism.

Keywords: *Maxim Gorky, concept of a hero, romantic philosophy, romantic hero, Nietzschean hero, duality.*

Поступила: 19.09.2017

Принята: 21.05.2018

Received: 19 September 2017

Accepted: 21 May 2018

For citation: Fesenko E.Ya. Maxim Gorky's Romantic Hero: On the History of the Question. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 5, pp. 103–111. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.103